

Уездный князь Юн славился своим вздорным и безалаберным нравом. Дни напролет он проводил в кутежах, а его задний двор ломился от всевозможных красавиц.

Впрочем, и супруга князя была не из тех, с кем можно шутить. Сколько бы прелестниц ни приводил в дом ее благоверный, ни одна не смела помыслить о том, чтобы возвыситься над законной женой.

Если наложница вела себя тихо и знала свое место, то могла рассчитывать на вполне мирную жизнь. Но стоило ей проявить строптивость или протянуть руки к тому, что ей не принадлежало — и в один прекрасный день она просто бесследно исчезала.

В конце концов, князь Юн не отличался постоянством и никогда не хранил память о какой-то одной фаворитке всю жизнь.

При всем обилии прекрасных наложниц в поместье князя, детей у него было всего двое, да и те родились от служанок, пришедших в дом вместе с приданым самой супруги князя.

Сын законной жены, Цзи Юэ, уже получил титул наследника.

В отличие от своего непутевого отца, молодой человек блистал безупречной репутацией. Он готовился к скорой свадьбе, не держал в своих покоях случайных девиц, отличался глубокими познаниями в науках и пользовался всеобщим уважением.

Когда в благородных домах столицы заходила речь о поместье князя Юна, неизменно упоминали Цзи Юэ, вздыхая: «В кривом бамбуке вырос прямой побег». Редкое и достойное юноши качество.

На этом фоне имя другого наследника — Хан Сиэня — всплывало разве что в разговорах о недугах, ведь тот годами не поднимался с постели.

Князь Юн частенько ставил окружающих в неловкое положение своим грубым языком и неумением держать себя в руках, однако само его поместье пользовалось огромным весом. К тому же, несмотря на всю свою неводержанность, князь умудрялся сохранять благосклонность императора. Именно поэтому на приглашения из его дома почти все отвечали согласием, а те немногие, кто не мог прийти, присылали щедрые подарки, дабы не выказать пренебрежения.

Получив пригласительные открытки, многие разузнали, что в гости позвали и Хан Сиэня. Кое-кто лишь презрительно фыркнул: еще вчера этого юношу, казалось, вовсе не замечали в светском обществе, словно законного наследника герцогского дома и вовсе не существовало, а теперь, стоило ему лишь немного привлечь внимание государя, как хозяева поместья Юн тут

же поспешили проявить к нему любезность. Какое угодничество!

Большинство же просто предвкушало интересное зрелище.

В день пиршества погода выдалась на редкость ясной и теплой.

Женщины из третьей ветви дома Хань отправились в путь вместе со своими детьми. Поскольку правила приличия требовали разделения полов, барышни ехали в закрытых экипажах. Хан Сиэнь из-за слабого здоровья также занимал отдельную повозку.

А вот его единокровный брат Хан Юэвэнь, старший сын второй ветви Хан Юэчжун, наследник третьей ветви Хан Юэцин и их братья от наложниц ехали верхом.

Как бы эти так называемые братья ни относились к Хан Сиэню в глубине души, на людях им приходилось разыгрывать идеальную родственную любовь и почтение к наследнику герцогского титула. Хан Сиэнь ехал впервые, и его экипаж двигался неторопливо. Всадникам не оставалось ничего другого, кроме как плестись следом, сдерживая коней.

Перед самым выездом один из слуг остановил карету госпожи Лю и что-то негромко зашептал. Оказалось, корабль, на котором возвращалась Хан Минчжу, вот-вот пришвартуется.

Госпожа Лю на мгновение задумалась, а затем тихо велела:

— Разве нам не говорили, что она прибудет только через два дня? Ступай и доложи старой госпоже. Мы сейчас едем на пир и нас не будет дома, так что заниматься этим некому.

Повозка Хан Сиэня тянулась позади, да и подслушивать чужие разговоры без нужды он не любил, так что эта сцена осталась для него незамеченной.

По пути к усадьбе князя Юна они то и дело сталкивались с другими гостями. Проезжавшие мимо вельможи не упускали случая оглядеть молодых людей из дома Хань, и в их взглядах читалось тонкое, едва уловимое любопытство.

Хан Юэвэнь чувствовал, как эти взгляды жгут ему лицо. Впервые в жизни верховая езда казалась ему не признаком щегольства и удали, а сущим наказанием.

К счастью, вскоре они прибыли на место. Гостей мужского и женского пола разделили прямо у входа. У ворот толпился народ — многие нарочно медлили с визитом, желая первыми увидеть лицо Хан Сиэня.

Когда тот наконец ступил на подножку кареты, у ворот воцарилась мертвая тишина.

Сказать по правде, вид у Хан Сиэня был далеко не цветущий. Если раньше его лицо казалось обтянутым кожей черепом, то теперь на этих костях появилось лишь немного иссохшей плоти. Желтый, изможденный, высохший — он едва ли походил на живого человека.

С непривычки такое зрелище могло не на шутку напугать.

Сам Хан Сиэнь ничуть не смутился под прицелом сотен глаз. Напротив, он окинул собравшихся неторопливым, слегка насмешливым взглядом.

Те, с кем он встречался глазами, невольно зябко поеживались. Его взгляд казался холодным и скользким, точно змея, заползающая под одежду. А если вспомнить слухи о том, как этот юноша собственноручно искалечил свою няньку, становилось и вовсе не по себе. Люди поспешно отводили глаза, неловко покашливали и, обменявшись дежурными любезностями, торопились уйти внутрь.

Войдя в усадьбу, Хан Сиэнь вместе с братьями первым делом отправился выразить почтение супруге князя Юна.

Она оказалась женщиной статной и благородной. Гости застали ее в окружении нескольких знатных дам, которые при виде Хан Сиэня заметно растерялись. Хозяйка дома, однако, и бровью не повела. С мягкой улыбкой она ласково взяла юношу за руку, расспросила о здоровье, заметив, что он выглядит куда крепче прежнего, и тепло пригласила почаще заглядывать к ним в гости.

Хан Сиэнь с вежливой улыбкой согласно кивал.

Поскольку супруга князя принимала в основном женщин, молодые люди, исполнив долг вежливости, поспешили откланяться.

По дороге к саду, где собирались молодые господа, Хан Юэчжун — как старший среди присутствующих братьев Хань — ласково улыбнулся Хан Сиэню. Вокруг сновали слуги, и место было достаточно открытым, чтобы их разговор могли заметить.

— Третий брат, ты ведь почти не выходишь в свет, и друзей у тебя здесь нет. Я знаком с несколькими приятными молодыми людьми, они на редкость мягкого нрава. Пойдем, я представлю тебя им.

Хан Сиэнь чуть прищурился и ответил такой же мягкой, но ленивой улыбкой:

— Ни к чему. Я не трехлетний ребенок, чтобы водить меня за ручку. Развлекайтесь сами, а я пройду в одиночестве.

С этими словами он развернулся и не спеша зашагал прочь.

Стоило ему отойти, как Хан Юэцин, пятый молодой господин из третьей ветви, презрительно фыркнул. Он долгое время прожил с отцом в Цзяннани, привык к лести и отличался спесивым нравом.

— Старший брат, — высокомерно процедил он, — этот человек не ценит твоей доброты. Зачем навязываться и нарываться на грубость?

Хан Юэчжун лишь благодушно улыбнулся:

— Пятый брат, наш третий брат никогда прежде не бывал на больших приемах, неудивительно, что он дичится. Раз уж он хочет побыть один, пусть будет так. Я лишь шепну словечко наследнику Цзи, чтобы за ним присмотрели слуги. Ну же, идем, я познакомлю тебя со столичными господами.

Хан Юэцин недовольно буркнул что-то под нос и покосился на безмолвно шедшего рядом Хан Юэвэня. Тот плелся, опустив голову, что вызывало у кузена лишь глубокое презрение.

На братьев от наложниц благородные сыновья и вовсе не обращали внимания. Уделом внебрачных детей было крутиться в собственном кругу, не смея соваться к законным наследникам.

Хан Сиэнь неторопливо прогуливался по саду усадьбы Юн, совершенно не заботясь о том, как на него смотрят. Вскоре он заметил уютную беседку у воды и решил там отдохнуть. Сидевшие внутри двое юношей при его приближении испуганно вскочили и поспешно перебрались в соседний павильон.

Остальные гости кучковались поодаль, перешептываясь и косясь на одинокую фигуру. Вокруг него образовалась невидимая стена отчуждения.

Цзи Юэ, как хозяин праздника, разрывался между гостями и физически не успевал уделить внимание каждому, из-за чего одиночество Хан Сиэня казалось еще более вопиющим.

Будь на его месте кто-то другой, он бы уже сгорел со стыда и мечтал провалиться сквозь землю.

Но Хан Сиэня это ничуть не трогало. Он с неподдельным интересом рассматривал старинную архитектуру усадьбы, находя в ней особое очарование.

Когда его взгляд лениво скользнул по водной глади, где резвилась пара мандаринок, за спиной вдруг раздался удивленный и радостный возглас:

— О, это ты!

Голос показался знакомым. Хан Сиэнь обернулся и увидел того самого круглолицего юношу, который когда-то одолжил ему серебряный слиток. На нем были одежды нежного зеленого цвета, а его румяное, упитанное лицо так и светилось простодушной радостью.

Этот малый явно не страдал избытком церемонности. Убедившись, что не ошибся, он без лишних слов уселся напротив Хан Сиэня и широко улыбнулся, обнажив очаровательные ямочки на щеках. Слегка смутившись, он почесал затылок:

— Не думал, что мы так скоро встретимся. Прости, в прошлый раз я действительно все не так понял. Меня зовут Бай Шу.

Разумеется, простой бродяга или бедный студент не мог оказаться среди гостей уездного князя Юна.

Хан Сиэнь посмотрел на него и неторопливо произнес:

— Хан Сиэнь.

Услышав имя, Бай Шу засиял еще ярче.

"А он действительно очень красив, — пронеслось в мыслях упитанного юноши. — Пожалуй, краше всех, кого я встречал"

Хан Сиэнь, без труда прочитав эти чистые помыслы, улыбнулся чуть шире и теплее.

Гости, наблюдавшие за ними издалека, лишь недоуменно переглядывались.

— Кто это рядом с наследником Ханем? Никогда его не видел.

— Понятия не имею. Но раз он сошелся с этим чудовищем, характер у него, должно быть, тоже не сахар. Лучше держаться от них подальше.

Проходивший мимо Цзи Юэ услышал эти слова и удивленно обернулся. Заметив беседующих юношей, он поспешил к ним, негромко бросив сплетникам:

— Это Бай Шу, младший брат генерала Бая. Он только-только вернулся с границы. Брат его балует без меры, так что парень совершенно не знает столичного этикета. Если не хотите навлечь на себя гнев генерала Бая, помалкивайте.

Сплетники понимающе закивали, глядя на Бай Шу уже с долей сочувствия и злорадства.

В жилах клана Бай текла бурная кровь, и при упоминании этой семьи люди вспоминали не столько воинские заслуги молодого генерала, сколько давний скандал их отца, который ради наложницы едва не сжил со свету законную жену.

Бай Шу и не подозревал, что стал предметом пересудов. Он сидел напротив Хан Сизня, то и дело нервно потирая ладони.

— Ты... — начал было он, но договорить не успел.

Из соседней беседки, стоявшей у самой воды, донесся резкий всплеск и пронзительный крик. Кто-то сорвался в пруд.

Лицо Бай Шу мгновенно сделалось суровым, что выглядело довольно забавно на его округлом лице.

Не раздумывая ни секунды, он взлетел на перила беседки, единым легким прыжком пронесся над водой и в то самое мгновение, когда тонущий уходил под воду, ловким пинком вышвырнул его на берег.

Сам Бай Шу, оттолкнувшись от водной глади, изящно перевернулся в воздухе и мягко приземлился на дощатый настил. На фоне несчастного, который теперь лежал на траве и отчаянно кашлял, его маневр выглядел невероятно эффектно и красиво.

Спасенным оказался внебрачный сын-гэер князя Юна — бледный, хрупкий юноша с приметной алой родинкой между бровей. Слуги бросились к нему, помогая подняться. Задышавшись от пережитого страха, юный гэер тихо поблагодарил своего спасителя. Бай Шу лишь молча мотнул головой.

В Великой Чжоу к гэерам относились вполне снисходительно: до замужества им позволялось посещать празднества наравне с мужчинами. И хотя после свадьбы они не были заперты в четырех стенах, им все же предписывалось соблюдать строгую дистанцию с посторонними мужчинами.

Суровость мгновенно сошла с лица Бай Шу, вернув ему прежний добродушный и немного растерянный вид.

Вскоре к месту происшествия подоспел Цзи Юэ. Он еще раз горячо поблагодарил спасителя, на что Бай Шу лишь неловко махнул рукой и пробормотал:

— Да ладно вам... Я просто силу не рассчитал, пинок, должно быть, вышел тяжелым. Вы бы показали его лекарю, на всякий случай.

С этими словами он обернулся, собираясь продолжить разговор с Хан Сизнем, но беседка у

воды уже пустовала — тот незаметно ушел.

Цзи Юэ велел слугам увести испуганного брата-гэера в покои. Заметив, как Бай Шу растерянно озирается по сторонам, он с улыбкой спросил:

— Молодой господин Бай знаком с наследником Ханем?

Бай Шу моргнул и удивленно переспросил:

— С тем самым наследником, который ломает людям руки-ноги и вырезает языки? Нет, я его не знаю.

Цзи Юэ опешил:

— Но я только что видел, как вы мило беседовали. Вот и подумал, что вы старые друзья. Простите мою нескромность.

Бай Шу озадаченно склонил голову набок, тщетно пытаясь придать своему круглому лицу грозное выражение.

— Так это и был наследник Хань? — серьезно спросил он. — Но ведь он такой красивый, такой мягкий и добрый! Ни капли не похож на того кровожадного якшу, о котором судачат на каждом углу. Может, люди все путают? Когда я только вернулся в столицу, мы случайно встретились, и мне показалось, что он ужасно несчастен.

Цзи Юэ слушал эти восторженные речи с чувством полного недоумения, искренне сомневаясь, об одном ли и том же человеке они говорят.

Стоявший рядом молодой вельможа не выдержал и покатился со смеху:

— Хан Сиэнь — красавец?! Парень, ты что, слепой? Да на нем краше в гроб кладут! И несчастный? Ну и умора! Похоже, у тебя не только с глазами беда, но и с головой.

Бай Шу недовольно надул губы и сердито возразил:

— Что за глупости вы городите! Он самый красивый человек из всех, кого я видел, вам всем до него как до луны! А насчет несчастного — когда я встретил его у трактира, у него в кармане не было ни единого медного гроша! Он стоял там и голодными глазами смотрел на витрину, выглядел хуже последнего нищего! Вы сами-то из дома без денег выходите? Мне даже пришлось дать ему целый слиток серебра! Разве это не жалкое зрелище для наследника огромного дома?

Услышав столь вопиющие подробности чужих семейных тайн, Цзи Юэ едва не взвыл. Ему до смерти захотелось зашить этому недотепе рот.

Но было уже поздно. История о том, как законный наследник герцогского дома побирался у кабака и принял милостыню от незнакомца, прозвучала при свидетелях и теперь неминуемо разлетится по всей столице.

Подумать только: стоило дому Хань один-единственный раз явиться на прием в его поместье, как тут же всплывет грязное белье о том, как безжалостно притесняют несчастного больного юношу.

Цзи Юэ готов был собственноручно дать затрещину стоявшему рядом болтуну. Ну зачем, зачем он полез к Бай Шу с расспросами? Почему не позволил этому круглому дураку, начисто лишенному чувства такта, и дальше распинаться о неземной красоте Хан Сиэня?!

<http://bllate.org/book/20088/2001978>